

прибегать к разным приемам упрощения текста и т. д. Но это и не страшно. Страшно другое: когда одна и та же редакция издается по разным спискам, когда не существует единства в понимании истории текста и т. д. Повторяю: только научное понимание приводит к объективной истине и, следовательно, к объективным результатам. Так, например, вопрос о том, надо или не надо исправлять текст в издании, часто только потому и стоит, что мы не уверены в необходимости и обоснованности некоторых исправлений. Если бы мы точно знали историю текста — этого вопроса не стояло бы. Точно так же и в вопросе: издавать ли «Душеньку» Богдановича по последнему варианту или так, как она была издана впервые? Вопрос рушится, как только мы узнаем все то, чем руководствовался Богданович при своем последнем, старческом исправлении «Душеньки». Тот же вопрос и тот же ответ могли бы быть повторены и получены относительно многих других произведений.

Заклучим наше рассуждение следующим утверждением: всякое издание должно быть **научным**, т. е. должно основываться на научном текстологическом изучении произведения — будет ли это научно-популярное издание массового типа или издание для специалистов. Тексты в них могут быть различными (может издаваться та или иная редакция или все редакции, правила передачи текста могут быть «облегченными» или требовательными), но научное понимание этих текстов должно быть по возможности единым, т. е. должно основываться на полной изученности всех связанных с ним фактов.

Текстологическое изучение любого произведения ведется совершенно независимо от того, для какого издания это текстологическое изучение предназначается и предназначается ли оно вообще для какого-либо издания. Любое издание, любой тип издания должны пользоваться одними и теми же объективными результатами научного исследования.

Выбор основного текста

Если приходится издавать памятник по нескольким спискам со сложной рукописной традицией, то какой из них следует положить в основу издания? Само собой разумеется — лучший. Но что такое «лучший список»? В этом важном вопросе мы не имеем единых взглядов. Понятие «лучшего списка» сильно колеблется в зависимости от того, как текстолог представляет себе движение текста памятников.

Наиболее простой случай: текстолог берет за основу самый исправный список, т. е. список, в котором нет или сравнительно мало внешних дефектов — пропусков, описок, неясных мест и т. д. Конечно, издатель текста должен считаться с тем, много ли внешних дефектов в списке, который он собирается принимать за основной. Однако «исправность» списка далеко не то его качество, которое следует иметь в виду в первую очередь. Ведь «исправность» текста может быть результатом последующих исправлений, а не следствием его первоначальной сохранности. Представление о том, что наи-

лучший текст в смысле его понятности, композиционной и стилистической стройности — авторский или ближайший к авторскому, тоже не всегда верно. Напротив, очень часто бывает так, что средневековые писцы отделяют предшествующий текст, составляют обширные компиляции (такими компиляциями являются летописи, хронографы, палеи и т. д., фактически не имеющие единого «автора»). Они переосмысливают текст, «облегчают» его, поновляют или в соответствии со своими вкусами архаизируют (вносят, например, в текст церковнославянизмы), восполняют пропуски и т. д.

Итак, «исправность» списка может быть мнимой: она может явиться результатом поздней обработки текста. Отсюда ясно, что одна только «исправность» списка, без изучения истории его текста, не может служить признаком «лучшего списка».

Другой случай: текстолог берет за основу наиболее древний из дошедших списков (*vetustissimus codex*). Смещение древности списка с древностью его текста давно опровергнуто в текстологии, однако в текстологической практике еще встречается¹. Между тем относительная древность списка (если это только не автограф) не означает еще древности его текста. Древнейший текст может быть представлен списком более молодым, но списанным с оригинала более древнего².

Третий случай: текстолог считает лучшим списком наиболее «типичный»³ — тот, в котором меньше всего индивидуальных чтений, текст которого получает подтверждение в большинстве других списков. Именно такой список текстолог принимает за «основной» («*le manuscrit de base*»), полагая, что история текста — это история только отдельных расхождений, получающихся в результате того, что каждый переписчик копирует о д и н лежащий перед ним список⁴. Между тем текстологическая практика (особенно в области изучения летописания, но не только летописания) ясно показыва-

¹ Так, например, Х. Вильямс (H. F. Williams) в журнале «*Romance Philology*» (1953/4, VII. P. 238–239) в рецензии на издание А. Бломквиста «*Roman des Deduis*» («*Gace de la Buigne*») предлагает публиковать списки, группируя их по старшинству, исходя из принципа «чем старше список, тем ближе он к оригиналу». На то обстоятельство, что списки позднейшие могут оказаться гораздо древнее по тексту, чем списки древнейшие, в русской науке обратил внимание еще И. И. Срезневский, — см. его «Славяно-русскую палеографию XI–XIV вв.» (СПб., 1885).

² Так именно обстоит дело со списками «Домостроя», «Девгениева деяния» и многими другими.

³ Определение того, что следует считать «типичным» текстом, см. в работе С. А. Бугославского «Несколько замечаний к теории и практике критики текста» (Чернигов, 1913. С. 2–3).

⁴ Этому взгляда придерживался академик В. Н. Перетц: «Ошибки могут быть индивидуальными для каждого списка — такие при построении родословного древа менее важны; но общие ошибки дают верный путь для раскрытия судьбы памятника и установления его рецензий или изводов» (Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914. С. 272).

ет, что переписчики или, вернее, древние редакторы текста нередко имели перед собой не один список, а несколько, проверяя один текст другим, создавая полные и «распространенные» редакции, новые виды произведения, «своды»¹. А. Дэн обращает внимание на то, что переписчик, составляющий «официальный экземпляр» и имеющий в своем распоряжении несколько рукописей, среди разных вариантов может выбирать понравившийся ему. Переписанный им список становится, таким образом, «*editio variorum*» («изданием по разным спискам»), и это очень усложняет классификацию списков, выбор лучшего².

Иными словами, наряду с расхождением текста история текста знает и его частичные схождения, сознательные «исправления» и дополнения текста одной редакции по другой, выборочную переписку текста из разных списков, из разной рукописной традиции и, как следствие этого, уничтожение индивидуальных чтений, иногда восходящих к архетипу произведения, и замену их чтениями, общими для многих списков, т. е. создание своеобразной «вульгаты», рядом с которой может сохраниться в единственном или в малом числе списков вполне «индивидуальный» текст, который и будет древнейшим, «лучшим».

Итак, в установлении «основного списка» мы не должны руководствоваться только тем соображением, что в нем мало внешних дефектов или опусков (отсутствие дефектов или опусков может быть, как мы уже видели, следствием последующих исправлений и осмыслений), или тем, что это список древнейший (относительная древность списка не означает, что и текст этого списка древнейший), или тем, наконец, соображением, что он наиболее «типичный» и в нем мало индивидуальных чтений (это может быть результатом последующих «схождений» текста или результатом того, что наибольшее распространение получил какой-либо, иногда весьма поздний, вариант текста). Все эти признаки сами по себе, в отрыве от других данных, не могут служить принципами отбора «основного списка», но каждый из этих принципов должен, конечно, приниматься в расчет при выборе списка, текст которого кладется в основу издания.

¹ «Своды» встречаются не только в летописании. Большинство литературных произведений Древней Руси входит в состав тех или иных сводов, но и сам текст той или иной повести очень часто является результатом сведения воедино текста разных списков. В списке «Повести о зачале Москвы» (ГБЛ. Собр. Румянцева, № 413) на полях написано киноварью: «Сия повесть свожена. Где и у ково сия повесть услышитца или увидитца, и брано, и свожено, и сходилось, только zde справлено речи мало нечто, а сводил не с одного переводу» (см.: Л. Н. Пушкирев. Повесть о зачале Москвы — В кн.: Материалы по истории СССР. Вып. II. М., 1955. С. 223). Это замечка читателя, своеобразного текстолога, заметившего, что список повести соединен из различных источников. Несколько ниже тот же читатель киноварью помечал, где, по его мнению, находится конец повести. Против слов «Симеон, Иван» записано: «Сей повести де конец, что свожена не в одно время» (л. 134).

² А. Dain. Les manuscrits. P. 126.

Механическое следование определенным навыкам текстологической работы, механичность в классификации текста, в разбивке его на редакции, в выборе «основного списка» — бич текстологии. Безоговорочное следование одним и тем же правилам, исходящее из однообразных и нивелирующих индивидуальные случаи представлений об истории текста памятника, ни в коем случае не должно применяться в текстологической работе. Знать, что делаешь, и во всем соблюдать историчность — единственное текстологическое правило, которое обладает всеобщностью¹.

Понятие «основного списка» в значительной мере условно и зависит от цели, которую преследует издание текста. Если цель издания — дать авторский вид памятника, то основным списком будет тот, который в результате изучения истории текста памятника окажется наиболее близким этому авторскому виду. Если цель издания — дать представление о всех этапах истории текста памятника, то основные списки должны быть ближайшими по тексту к каждому этапу истории текста: редакции, виду, изводу и т. д. И здесь все зависит от того, насколько точно восстанавливается история текста памятника. Установление истории текста памятника — необходимое условие для определения основного списка.

Не всегда, конечно, историю текста памятника можно восстановить более или менее точно. Иногда приходится ограничиваться предположениями или даже признавать свое бессилие в установлении истории текста. В таких случаях издание текста должно давать читателю представление о всех видах текста (редакциях, видах, изводах и т. д.). В этих последних случаях основной список должен быть наиболее типичным, но выделение типичного текста как основного для издания — это не правило, а исключение, знак того, что в данном случае текстологу пришлось «сложить оружие» перед невозможностью установить древнейший по тексту список.

Итак, основной список должен быть наиболее близок тому этапу истории текста памятника (авторскому тексту, отдельной редакции, изводу и т. д.), о котором текстолог считает нужным дать в своей публикации представление читателю.

Но что означает это выражение «наиболее близкий»? Текст может быть наиболее близок по составу, но менее близок, чем другие, по языку, иметь частные стилистические изменения, но сохранять близость по содержанию, иметь небольшие преднамеренные изменения или изменения большие, но случайные и т. д. В этих случаях условность выделения лучшего списка возрастает. Для языковеда наибольшую важность будет иметь язык списка, для историка — его содержание, для литературоведа — стиль и содержание. Выбор списка может оказаться различным у языковеда, историка и литературоведа. Однако во всех случаях — и в случае издания языковедческого, и в случае издания исторического, и в случае издания литературоведческого — мы в первую очередь должны считаться с

¹ Ср. сходную мысль: там же. С. 165–167.

преднамеренными изменениями текста, а во вторую — со случайными, непреднамеренными. Сама по себе механическая порча текста как таковая не составляет еще его истории. История текста — это в первую очередь история его сознательных изменений.

На всем протяжении истории текста памятника на него оказывают воздействие люди с их классовыми и сословными интересами и идеями, с их вкусами и воззрениями, с их навыками письма и чтения, особенностями памяти и общего развития. Из этих людей по большей части наибольшее значение имеет автор, но важное место занимают и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, снабжающие текст своими глоссами или влияющие на судьбу текста через переписчиков и редакторов.

Увидеть за списками памятника, за его редакциями, вариантами и разночтениями конкретных людей во всем их разнообразии и разноликости — в этом и состоит искусство текстолога, которое сказывается во всех звеньях его работы, в том числе и в условном выборе основного списка для издания.

Для литературоведа, выбирающего основной список для издания, прежде всего необходимо выбрать для издания редакцию или редакции (одну, несколько или все). Если выбрана редакция, надо выбрать вид редакции (конечно, если виды редакции имеются). Когда все это проделано и осталось выбрать только самый список, то в этом случае принимается во внимание все то, что само по себе не могло бы служить критерием для выбора текста: древность списка, отсутствие внешних дефектов текста и относительная его полнота, правильность языка и стиля и т. д. Все эти признаки должны оцениваться в совокупности в связи с историей текста, насколько она известна (насколько ее удалось установить текстологу).

Если старшинство текста разделяется между несколькими списками (например, по составу древнее один список, а по языку и стилю — другой), то необходимо решить, что для данного памятника и для задач данного издания важнее, и в зависимости от этого выбрать список.

Закljučая рассмотрение вопроса об основном списке, не могу не привести одного весьма выразительного высказывания А. Хаузмана: «Нерассудительный текстолог (an editor. — Д. Л.), постоянно сталкивающийся с двумя списками произведения и вынужденный выбирать между ними, не может не чувствовать всеми фибрами своего существа, что он осёл между двумя охапками сена. Что же он должен делать?.. Он смутно представляет себе, что если одна из охапок сена будет устранена, он перестанет быть ослом. И он устраняет ее. Но если два списка равны и продолжают смущать его своими равными достоинствами и требуют от него новых и болезненных мозговых усилий? Тогда он делает вид, что они не равны, он называет один "лучшим списком" и ему он передает издательские функции, которые сам он неспособен

бен нести... Предположим, что его "лучший список" и в самом деле лучший: способ употребления этого лучшего списка будет не менее смешным (*ridiculous*. — Д. Л.). Верить, будто там, где лучший список дает возможные чтения, — он дает правильные чтения, и что только там, где он дает невероятные чтения, он дает ошибочные чтения, — значит верить, что некомпетентный текстолог — любимец провидения, которое дало своим ангелам поручение, чтобы ни разу его лень и глупость не произвели своих обычных результатов и не подвергались соответствующему наказанию. Случайность и обычный ход вещей не могут привести к тому, чтобы чтения списка были правильны, каждый раз когда они только возможны, и чтобы они не могли случайно появиться, раз только они ошибочны: это требовало бы божественного вмешательства; но когда кто-либо рассматривает историю человечества и образ вселенной, я надеюсь не будет непочтительностью, если он признает, что божественное вмешательство могло бы иметь лучшее применение»¹.

Близко к Хаузману высказывается и Е. Рэнд. Е. Рэнд пишет: «Выбрать то, что кажется лучшим списком, в качестве основы, и употребить другой выборочно... — это метод отчаяния»².

Между тем все дело в том, что понятие основного списка понимается обоими авторами неправильно. Выбор основного списка вовсе не означает, что найден основной текст памятника. Основной список, избранный для издания, представляет не текст памятника, а текст, ближайший к авторскому или к одной из редакций, но с наличием индивидуальных особенностей, присущих только данному списку. Текст основного списка на более показателен для избранной для издания редакции или вида памятника, но он не может претендовать на то, чтобы представлять текст памятника самого по себе. Выбор основного текста для издания определяется установленной текстологом историей текста памятника, а не «лучшими» чтениями.

В тексте этого основного списка не может происходить поэтому замены «худших» чтений «лучшими», что может быть и субъективно и опасно для цельности текста, не может происходить изгнания «индивидуальных» чтений и пр. Вместе с тем в тексте основного списка при его издании должны быть устранены явные ошибки. Понятие текста подразумевает его осмысленность. Если в рукописи ошибки, — текста в данном испорченном месте рукописи нет. Поэтому естественно, что в изданиях устраняются ошибки, но это устранение ошибок принципиально отлично от замены «худших» чтений «лучшими» чтениями. Выбор текста для издания и издание этого текста не есть реконструкция памятника. Если это усвоить, то отпадает комичность положения текстолога, выбирающего «вещь в себе» среди различных «явлений».

¹ *A. Housman. Manilius, 1903. P. XXXI–XXXIV.*

² *E. K. Rand. — Harvard Theological Review, 1924, XVII. P. 204*